

НАРГИЗ БАГИРОВА

Э Т Ю Д Ы

Цветок

Он стоял на ветру, дрожа своими нежными розовыми лепестками – маленький и беззащитный цветок...

– Как он похорошел, – сказала календула, – не правда ли, сестрицы?

– Неправда, – вмешался одуванчик, – и вообще – непонятно, кто он и откуда появился? Без роду, без племени...

Цветки календулы решили, что в такую непогоду неплохо бы и поспорить.

– А при чем здесь происхождение, – проворчала одна из сестер, – не пойму я что-то... Он очень мил, воспитан и всегда ровно держит голову!

– Пользы от него никакой, вот что! – вмешался грязный сорняк. – Например, ромашка и календула лечат людей, да и я тоже...тоже я...

– Что «тоже»? – ехидно спросил папоротник.

– Стану я отчитываться! – рассердился сорняк.

– Конечно, не станет... – пропищала садовая мышь, – сказать ведь нечего. Сорняк – он и в оранжерее сорняк!

– Цветочек очень хорошенький и нечего тут! А кому не нравится, пусть лучше на себя посмотрит! – вступилась за малыша ромашка.

– Тихо там, – прикрикнула крапива, – хватит! Какой пример вы подаете незабудкам?!

Цветы и травинки притихли. Им стало очень неловко перед крошечными незабудками, беспородным цветком и друг перед другом.

Пришла очередь шептаться другим обитателям сада.

– Мадам улитка, а, мадам улитка, – постучал по раковине майский жук, – спите, что ли?..

Улитка лениво выползла из своего домика:

– Разве на таком холоде уснёшь? Что вам, сосед?..

– Вот вы, мадам, вхожи в главную клумбу. Не слышали, может, этот маленький цветок в самом деле состоит в родстве с госпожами розами? Очень уж он на них похож.

– Вздор! – заявила лягушка. – Ни капельки не похож! Посмотрите, какой он маленький! Его же не видно совсем.

– И стебелёк у него тоненький, коротенький, – добавила толстая зелёная муха.

– А хотите, я отгрызу ему ножку?.. – спросила мышь. – А что, я могу!.

Улитка начала медленно заползать обратно в свой домик:

– Не надо никому отгрызать ни ножки, ни рожки... Ну что это за манера такая?..

Госпожа роза пригласила меня на утреннюю росу... Вот там я и выясню, состоит ли с ней в родстве это маленькое растение или нет.

– Спасибо, мадам, – засуетился майский жук, – за ваши хлопоты, за... За все спасибо вам...

– Не за что, – милостиво кивнула улитка, – и, пожалуйста, не беспокойте меня до рассвета. Мне надо хорошенько выспаться перед завтрашним приёмом..

Розовый цветок стоял в стороне и чуть не плакал. Ему было очень обидно... Он слышал эти разговоры каждый день.

Цветок действительно очень походил на главную садовую розу, но был намного меньше ростом.

К тому же роза была очень высокомерна, а он всегда первым со всеми здоровался. И с удовольствием прятал в своих лепестках божью коровку, когда та играла в прятки со стариком скарабеем. Бабочка-капустница прилетала к нему за тем, чтобы рассказать последние новости. Она жаловалась на тяжёлую жизнь в городских условиях и на родню, которая редко приглашает ее в гости. Потом говорила о чудовищном смоге и принимала сеанс ароматерапии. Так она называла вдыхание его **благоуханного** аромата.

А позавчера на рассвете сам майский жук поведал ему, что собирается перебраться на большую вишню, поближе к своей престарелой мамаше. Правда, улитка, к которой он питает нежные чувства, выразила свое недовольство, но сыновний долг превыше всего! Что тут поделаешь, не он придумал этот мир...

Тут и говорить долго нечего – цветок был очарователен и прелестен, хотя и был очень небольшого роста. Правду сказала одна из рыжих календул: он всегда очень прямо держал свою голову. А какой аромат он источал вечерами!.. Это признавали даже цветы белладонны, а им было трудно угодить.

Дело происходило в марте, в самом начале весны, все ведь знают, какое это неустойчивое для погоды время. В саду и на улице было ветрено, слякотно и очень неуютно. А тут ещё на город налетел злой и холодный ураган...

Прохожие, держа шляпы обеими руками, бежали к своим домам, собаки искали сухие подворотни, черепица слетала с крыш, а в доме старого часовщика испуганно скрипели ставни.

Маленькому цветку было очень одиноко и страшно. Его пугали завывания ветра, куда там старой мыши с ее истертыми зубами... Ураган бил по его лепесткам острыми ледяными каплями, и ветер отчаянно хлестал его тонюсенький стебелек... Это была самая неудачная ночь в его жизни.

Но к утру ураган, увидев солнце, неожиданно притих, и вдруг сам по себе улетел непонятно куда.

Сад представлял собой довольно жалкое зрелище. С большой вишни слетел весь цвет, и всем было видно, как майский жук отпаивает свою сильно немолодую мамашу каплями белладонны.

Незабудки попрятались под травинками посильнее... Старая мышь жаловалась на боль в суставах, а облысевший в одну минуту одуванчик потерянно спрашивал, где можно приобрести новый парик. Цветки календулы, желая поправить здоровье, тянулись к утреннему солнцу. Толстая зелёная муха безуспешно пыталась высушить свои крылышки. А сорняк...

Вот, пожалуй, только сорняку, одному из немногих, было довольно комфортно. Он, как известно, вышел из грязи, а такие типы с лёгкостью приспособляются к любым условиям.

Но самое большое разочарование ждало улитку, когда она выползла из своего домика – теперь о ее утреннем визите к госпоже розе не могло быть и речи! Владелица главной клумбы, роза, очень постарела и подурнела, и было с чего: за эту ночь бедняжка растеряла добрую половину своих лепестков... А какая знатная дама будет принимать гостей в одних колючках, да ещё и практически на голом теле?..

Зато... Как прекрасно, ко всеобщему изумлению, выглядел мой любимый маленький цветок! И это несмотря на то, что ему этой ночью пришлось несладко. Его нежные розовые лепестки улыбались утру... Он по-прежнему прямо держал голову, стебелек его был таким же несгибаемым, как всегда!

И вот что ещё важно: он как ни в чем не бывало снова первым со всеми здоровался... Впрочем, как обычно...

Усталая фея

В некоем полусказочном королевстве, согласно прописке, проживала одна фея. Это было прекрасное, процветающее королевство, и фея была горда тем, что живет в нем.

Нехорошо обсуждать возраст дамы, но фея эта была, как бы поделикатней выразиться... не очень молода. Не стара, конечно, но уже как бы...давно на пенсии...

При этом она была бодра, тьфу, тьфу – здорова, и все еще мила настолько, что старый часовщик, работавший в зеленой будке неподалеку, никогда не упускал случая, чтобы при встрече не отпустить ей очередной комплимент.

Никто из соседей и не подозревал, что фея умеет колдовать, и что она в свое время принесла немало пользы: отвлекала внимание грозной дворняги, когда та гоняла по переулку кошек, подкидывала списки диетических продуктов толстушкам, разводила по противоположным сторонам нелюбивших друг друга и сводила воедино пути-дорожки влюбленных...

Всего и не упомнить – у нашей феи был солидный стаж работы, и она была на очень хорошем счету в Главном департаменте магии.

Но вот беда, с годами она стала забывать некоторые заклинания, путать языки птиц и зверей, в ветреную погоду у нее ныли колени, и, что самое ужасное, она не могла себе помочь. У нее не получалось. Ведь, как ни крути, а она все же была сильно немолода, ее мучила мигрень, а еще...

Еще, между нами говоря, она совершенно не владела новыми технологиями колдовства.

Так что теперь она занималась волшебством исключительно бытового свойства – мирила подравшихся мальчишек, приводила к часовщику случайных клиентов, разгоняла ночные тучи над королевством...

И тогда гром не пугал припозднившихся прохожих, а дождь не заливал будку грозной дворняги...

В общем, фея вела спокойную, размеренную жизнь.

Пускай теперь колдует молодежь, – думала она, – при нынешних вспомогательных средствах это сущие пустяки, пусть себе колдуют. Они молоды, самонадеянны и прекрасно разбираются в современной технике, пускай поколдуют – на здоровье, ей-то что...

А она возьмет интересную книжку, в теплую погоду выйдет в парк и, усевшись на любимой скамеечке между двумя раскидистыми акациями, немного почитает. И, может быть, даже нечаянно вздремнет...

Ей никто не помешает – дети в школах, их родители на службах, а старый часовщик уже который месяц занят тем, что пытается починить карманные часы своего прапрадедушки.

Итак, старуш...то есть, фея, устроилась с книжкой на скамеечке и принялась читать. Солнышко приятно согревало ее больные колени, жасминовый куст источал сладчайший аромат, и воробышки чирикали вполголоса... Сами понимаете, что фея просто не могла не уснуть...Возможно, она немножечко схитрила и притворилась спящей, потому что пенсия пенсией, а надо знать, что происходит в родном королевстве. И ей приснился...или подслушался разговор двух старых акаций.

– Как вам это нравится, сестрица, – сказала акация справа, – она опять заснула!

– Ну, – примирительно ответила акация с левой стороны, – пускай спит, она же никому не мешает. Помните, как она когда-то одним взмахом волшебной палочки согнала с наших веток зловредных жуков? Хорошее нельзя забывать, моя дорогая...

– Да, было дело... Профессиональная была фея, не чета нынешним. Фея незаметно улыбнулась.

– Да куда нынешним! Хотя она здорово сдала...постарела сильно... Левое веко феи дернулось.

– Дааа... – вздохнули обе акации и замолчали.

И тут на ветку одной из них с громким карканьем уселась ворона:

– Ши-каррр-но выглядите!

– Тихо ты, не видишь разве – человек спит!

Ворона продолжила тихонечко:

– Слыхали, в паррр-ке за два кваррр-тала отсюда вырубают деревья?

– Как же это?! И туда добрались?! – заволновались старые акации. – Ну когда же это кончится?.. Если так пойдет, то скоро люди всех нас поубивают. Где тогда они будут спастись от дождя, под чьими ветками будут целоваться?..

– Да! – подтвердила ворона. – Страшная каррр-тина!

И улетела.

А акации продолжали махать своими ветками.

– Какое безобразие!

– Какое беззаконие!

– Ведь всего неделю назад присевшие на эту скамью два важных господина беседовали о том, что нас больше не будут рубить, что отныне каждое дерево королевства находится под защитой власти! Как же так?

– Ах, не волнуйтесь вы так, дорогие акации...– попытался их успокоить куст волчьей ягоды, – может, все еще обойдется?

– Ну как же, обойдется! Вот и тополя на приморском бульваре были уверены, что обойдется. Приветов нам с чайками присылали... А их все равно повырубали, мы с ними даже проститься не успели... – левая акация роняла слезу за слезой.

Правая держалась стойко, но листочки ее предательски дрожали.

– А как они величаво несли вахту у берега! – вздохнула божья коровка. – И как поэтично шелестели их кроны под легкий морской бриз...

– Теперь на их месте живут пальмы и кактусы, – обеспокоенно вмешалась бабочка-капустница, – я слышала от стрекозы, что их выписывали из-за границы. Они очень заносчивы и ни с кем не желают общаться.

– А с чего им заноситься, кого они в летний полдень спасли от жары? – возмутилась старая садовая мышь. – Поражаюсь некоторым, им лишь бы пустить пыль в глаза!

Акации горестно шевелили своими ветвями. Они вспомнили своих соседей – это были два миндальных дерева, растущих рядом с ними.

Весь парк с трепетом наблюдал за их романтическими отношениями. Как нежно переплетались их ветки, как они любили ласково гладить друг друга и шептаться о своих секретах... А когда наступала ранняя весна, ароматы их цветов смешивались друг с другом и сводили с ума влюбленных...

В один злополучный день в парк пришли два веселых парня. Они взяли пилу в руки, и она омерзительно заскрежетала своими не знающими пощады зубами. Все деревья и кустарники замерли от страха, птицы с криками ужаса улетели прочь, сестры-акации безутешно рыдали. И лишь миндальные деревья мужественно приняли свою смерть. Они не кричали, не посылали проклятья людям и только из последних сил шелестели своими мертвыми ветвями: «Прощайте... Прощайте...»

Правая и левая акации, сохранив верность миндальным братьям, так и не устроили свою личную жизнь. И потому им казалось неприличным вспоминать вслух своих кавалеров... Но они все помнили...

Помнили, как постепенно привыкли к потере своих братьев и сестер. Как в парке вырубались розовые и жасминовые кусты, персиковые и оливковые деревья, дубы и ивы... Бабочки в панике трепетали своими крылышками, дикие пчелы нелегально эмигрировали из королевства, птицы не успевали эвакуировать свои гнезда...

Приходил человек обыкновенный и убивал. Убивал тех, кто дарил ему цветы и ягоды, истреблял тех, по чьим веткам лазали его дети, безжалостно уничтожал тех, кто не мог ему ответить.

Он не пощадил никого.

Даже старых эльдарских сосен не пожалел, а ведь он когда-то любил гулять в их тени и наблюдать за ежиками, ловко прятавшимися в густых коврах их опавшей хвои.

– Бедные эльдарские сосны, они были так неприхотливы и так живописны... они так украшали наше королевство, – вздохнула левая акация.

– Хватит вам ныть! – приказал новенький фонарь с тротуара, – надоели, старые зануды! На месте этих кривых горбатых сосен построили великолепные высотные дома! Они будут служить людям!

– А мы?! – задыхнулась от обиды левая акация. – А мы кому служим?!

– Не нервничайте так, моя дорогая, а то у вас опять случится паралич ветки, и она перестанет цвести, – успокоила ее «правая» сестра, – а вы, молодой, человек, потрудитесь замолчать, раз не умеете себя вести в приличном обществе.

Фонарь презрительно моргнул и, решив не связываться со старухами, переключил свое внимание на неоновую рекламу, с которой безуспешно кокетничал вот уже вторую неделю.

Деревья зашептались.

– Какой хам! – сказала алыча.

– Вопиющая невоспитанность! – заявила яблоня.

Груша молча кивнула.

А слива тихонько возмутилась:

– И чего он так выпячивается? Подумаешь, какой заграничный фронт выискался!

– А вы помните, уважаемая слива, – поддержал беседу китайский ясень, – нашего покойного старого фонаря? Как славно он светил своими яркими лампами и никогда, повторяю, никогда не позволил бы себе так бесцеремонно вмешаться в чужой разговор.

Все согласно закивали головами, хотя, если откровенно, обитатели парка за глаза называли китайского ясеня «вонючкой» и слегка презирали его за вульгарный запах цветов и за откровенный подхалимаж к дубу.

Деревья снова замолчали...

Из оцепенения их вывела молоденькая голубка, прилетевшая с новостями в клювике из сквера за два квартала от парка.

– Ужасно, ужасно... Не знаю, как сказать. Они просили передать вам, чтобы вы не оплакивали их и что чему быть – того не миновать... Это так страшно, – продолжала она торопливо, – их рубят, и кровь сочится из их обрубленных веток... Им очень больно. Удивительно, что люди совсем не слышат их стонов и плача.

Деревья снова расшумелись, молодые ветки испуганно всхлипывали, прижимаясь к стволам, листья беспомощно трепетали, и ласточки кричали что-то истошно.

И вдруг правая акация тихонько шепнула левой:

– Удивляюсь я этой вишне. Все беспокоятся, одной ей хоть бы хны...

– Не только ей, – мгновенно отпарировала левая, – ее сосед тутовник тоже невозмутим. У них же роман, вы разве забыли?

– Как я могла забыть, что вы, милая? Мне мышь говорила, что он даже заразил ее паутиным клещом...

Две сестрицы ехидно захихикали.

Глядя на них, улыбнулся старый дуб, потом олива с грушей и яблоней, весело заскрипел ветками «вонючка», запищала старая мышь и запели смешливые лягушки. Коренное население парка перестало плакать и потянулось к солнцу. Кто ветвями, кто лапками, кто клювом....

Чего зря убиваться, чему быть – того не миновать.

И только одна фея горько плакала.

Вы, наверное, думаете, что она снова корила себя за то, что так и не овладела современными технологиями волшебства?.. Нет, просто ей стало страшно и захотелось немедленно бежать из этого парка, бежать куда глаза глядят.

Может, ей имеет смысл пойти к старому часовщику и попросить его побыстрее наладить ход старинных прапрапрадедовских часов. Наладить так, чтобы стрелки пошли назад и вернули людей в прошлое.

Вернули в то время, когда их самих еще не было на свете, а их деды были молодыми. Они привозили тоненькие деревца и высаживали их на городских пустырях.

Вернуть в те времена, когда человек смотрел на молоденькие саженцы и представлял себе, как когда-нибудь люди будут собирать их плоды, малыши – прятать в их дуплах свои нехитрые сокровища, влюбленные – любоваться их весенними цветами...

Но получилось так, что люди перестали лечить больные деревья и начали убивать здоровые.

Они привозили из заморских стран экзотические пальмы, и это было замечательно. Но они вырубали старинные каштаны, в тени которых их бабушки когда-то читали им сказки.

Человек перестал слышать плач загубленных им деревьев и был глух к их мольбам. Он больше не видел никакого волшебства в том, что цветок своими нежными личточками пробивает толщу бетона и ярко пестреет себе на фоне серого асфальта.

Старая добрая фея вдруг поняла, что люди перестали верить в чудеса. И разучились их творить.

И тут немолодая почтенная дама почувствовала себя усталой и очень-очень старой...

Скорее всего, у нее опять заныли колени... Или случился очередной приступ мигрени. А возможно, что причина была вовсе не в этом...